

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Весна 1879 года была удивительно ранняя и теплая. По полям Нижней Шотландии ровной пеленой стлалась зелень ранних хлебов, свечки на каштанах распустились уже в апреле, а кусты боярышника, живой изгородью окаймлявшие белые ленты проселочных дорог, зацвели на целый месяц раньше обычного. В деревнях фермеры сдержанно радовались, ребяташки босиком мчались за поливальными машинами. В городах, расположенных по берегу широкой реки, лязг железа на верфях теперь не казался уже таким навязчивым и в мягком весеннем воздухе, поднимаясь к холмам, сливался с жужжанием первой пчелы и тонул в ликующем блеянии ягнят. В конторах клерки, сняв пиджаки и в изнеможении развалились на стульях, кляли жаркую погоду, возмущались политикой лорда Биконсфильда, известием о войне с зулусами и дороговизной пива.

Над всем устьем реки Клайд, от Глазго до Портдорена, над Овертоном, Дэркоком, Эрдфилленом — городами, расположенными между Уинтонскими и Доренскими холмами и образующими как бы три вершины треугольника плодородной земли на правом берегу лимана, — и над старинным городком Ливенфордом, лежащим в основании этого треугольника, в том самом месте, где Ливен впадает в Клайд, — над всем ослепительно сияло солнце, и, пригретые его чудесным благодатным теплом, люди трудились, бездельничали, болтали, ворчали, плутовали, молились, любили — жили.

В одно майское утро над Ливенфордом в истомленной зноем вышине лениво висели редкие клочки облаков. Но

к концу дня эти тонкие, как паутина, облака медленно зашевелились. Поднялся теплый ветерок и погнал их по небу, а когда они скрылись из виду, ветерок налетел на город. Первое, что он встретил на пути, была высокая историческая скала, которая стояла, словно маяк, на месте слияния реки Клайд с ее притоком Ливеном и четко рисовалась на опаловом небе, напоминая неподвижную тушу громадного слона. Теплый ветер обогнул скалу, быстро пронесся по жарким улицам убогого предместья, Нового города, а затем между высоких стапелей, подъемных кранов и каркасов недостроенных судов на расположенных вдоль морского рукава верфях «Лэтта и К^о», где кипела работа; после этого он прогулялся по Черч-стрит — медленно, как и подобает прогуливаться по главной улице, где находятся городская ратуша, городская школа и приходская церковь, и наконец, миновав эту чинную улицу, весело закружился в гостеприимно открытом пространстве главной площади. Потом как-то нерешительно, словно в раздумье, направился между рядами лавок Хай-стрит и достиг Ноксхилла, высоко расположенного квартала жилых домов. Здесь ему скоро надоело гулять по террасам из выветрившегося красного песчаника да шелестеть в плюще на стенах старых каменных домов, и, стремясь поскорее выбраться в поля, ветерок снова пронесся через город между чопорных вилл аристократического квартала Уэлхолл, овеяв мимоходом круглые цветнички пурпуровой герани, украшавшие палисадник перед каждым домом. Затем, беспечно пробежав по широкому, красивому проспекту, который от аристократического квартала вел за город, ветерок внезапно похолодел, налетев на последний дом в конце этой улицы.

Дом этот представлял собой своеобразное сооружение. Небольшой, таких размеров, что в нем могло быть не более семи комнат, но массивный, из серого камня, поражающий суровой тяжеловесностью и совершенно необычайной архитектурой.

Внизу дом имел форму узкого прямоугольника, длинной стороной обращенного к улице. Стены поднимались не прямо от земли, а стояли на каменном цоколе, который

был на целый фут длиннее и шире их основания, так что все здание опиралось на него, как животное — на глубоко врытые в землю лапы. Фасад, с холодной суровостью высившийся на этом цоколе, одной своей половиной переходил в круто срезанный конек, а другая половина заканчивалась низким парапетом, который тянулся горизонтально до соединения со вторым таким же коньком над боковой стеной дома.

Эти остроконечные выступы имели очень своеобразный вид: каждый из них рядом крутых прямоугольных ступенек переходил в украшенную каннелюрами верхушку, на которой гордо красовался большой шар из полированного серого гранита. Они соединялись между собой парапетом, который своими правильно чередовавшимися острыми зубцами образовал как бы тяжелую цепь из каменных звеньев, кандалами сковывавшую все здание.

У того угла, где сходились боковая и передняя стены дома, поднималась невысокая круглая башня, также опоясанная зубчатой лентой парапета, украшенная посредине глубокой ромбовидной нишей и увенчанная башенкой, на которой торчал тонкий камышовый флагшток. Тяжеловесные пропорции ее верхней части делали башню приземистой и уродливой, придавая ей сходство с широким нахмуренным лбом, обезображенным глубоким шрамом, а из-под этого лба угрюмо и загадочно глядели два глубоко посаженных глаза — прорезанные в башне узкие оконца. Как раз под башней был вход — невзрачная узкая дверь, весьма негостеприимная на вид, похожая на враждебно сжатый тонкий рот; боковые створки двери круто сходились вверху в стрельчатую арку, окружавшую окно из темного стекла и заканчивавшуюся острием. Окна дома, как и дверь, были узки, без всяких украшений, казались просто пробитыми в стене отверстиями, которые неохотно пропускали свет, но скрывали от посторонних глаз внутренность жилища.

Весь дом в целом имел какой-то таинственный, мрачный и отталкивающий вид, и непонятно было, какая мысль руководила теми, кто его строил. Небольшие его размеры

мешали ему достигнуть надменного величия какого-нибудь замка баронов, если таково было назначение его готической башенки, бастионов и круто скошенных углов. Однако от этого здания веяло таким холодом, такой суровой мощью, что невозможно было увидеть в нем лишь самодовольную претензию на показное великолепие. Его зубчатые стены производили впечатление холодно-напыщенное, но не забавное, и он, при всей своей нелепости, вовсе не казался смешным. В его грандиозной архитектуре было что-то такое, от чего замирал смех, — что-то глубоко скрытое, извращенное, ощущаемое всеми, кто пристально всматривался в дом, как уродство, как воплощенное в камне нарушение гармонии.

Жители Ливенфорда никогда не смеялись над этим домом — по крайней мере не смеялись открыто. Такова была неуловимая атмосфера могущества, окружавшая его, что никто не решился бы и улыбнуться.

Перед домом не было даже палисадника; вместо него — усыпанный гравием, голый, палимый солнцем, но безукоризненно чистый двор, посреди которого стояла в качестве единственного украшения маленькая медная пушка; пушка эта некогда находилась на борту фрегата, участвовала в последнем залпе с него, а теперь, провалявшись много лет на портовом складе, важно красовалась, начищенная до блеска, между двумя симметричными кучками ядер, придавая последний штрих нелепости этому своеобразному жилищу. За домом находился поросший травой квадратный клочок земли с четырьмя железными столбиками по углам, окруженный высокой каменной стеной, под которой росло несколько кустов смородины — единственная растительность в этом жалком подобии сада, если не считать заглядывавшего в окно кухни унылого куста сирени, который никогда не цвел.

Через это окно, хоть его и заслонял сиреневый куст, можно было разглядеть кое-что внутри. Видна была просторная комната, обставленная комфортабельно, но безвкусно. Здесь стояли диван и стулья с сиденьями из конского волоса, большой стол, пузатый низенький комод

у одной стены и большой красного дерева буфет — у другой. Пол был покрыт линолеумом, стены оклеены желтыми обоями, а камин украшали тяжелые мраморные часы, своим важным видом как бы подчеркивавшие, что здесь — не просто кухня, место для стряпни (стряпали главным образом в посудной, за кухней), а скорее столовая, общая комната, где обитатели дома ели, проводили свой досуг и обсуждали все семейные дела.

Стрелки на украшавших камин часах показывали двадцать минут шестого, и старая бабушка Броуди уже восседала на своем стуле в углу у огня, поджаривая гренки к вечернему чаю. Это была ширококостная угловатая старуха, сморщенная, но не дряхлая, несмотря на свои семьдесят два года, высохшая, похожая на сучковатый ствол старого дерева, лишённого соков, но еще крепкого и выносливого, закаленного временем и непогодами. Особенно подчеркивали это сходство узловатые руки с утолщенными подагрой суставами. Лицо ее, цветом напоминавшее увядшие листья, было все изрыто морщинами; черты лица — крупные, резкие, мужские, волосы, еще черные, аккуратно разделены посередине прямым пробором, обнажавшим белую линию черепа, и тугим узлом закручены на затылке. Жесткие редкие волоски, подобно сорным травам, пробивались на подбородке и верхней губе. На бабушке Броуди была черная кофта и длинная, волочившаяся за ней по земле юбка такого же цвета, маленькая черная наколка и башмаки с резинками, которые, несмотря на то что были очень велики, не скрывали подагрических утолщений на суставах пальцев и плоской стопы.

Согнувшись над огнем (при этом от ее усилий наколка съехала немного набок) и держа вилку обеими трясущимися руками, она с бесконечными предосторожностями поджарила два толстых ломтя булки, с любовной старательностью подрумянив их сверху так, чтобы внутри они оставались мягкими, и, когда все было сделано к ее полному удовлетворению, положила их на том конце блюда, куда она сможет сразу дотянуться и быстро взять их себе, как только семья сядет за стол. Остальные ломтики она

поджарила кое-как, не проявляя к ним никакого интереса. Делая это, она недовольно размышляла о чем-то, то втягивая, то надувая щеки и лязгая при этом вставными зубами, что у нее всегда служило признаком недовольства. «Это просто безобразие, — говорила она себе, — Мэри опять забыла купить сыр! Девчонка становится все невнимательней, и на нее, как на какую-нибудь дурочку, в столь важных вопросах нельзя полагаться. Что же это за ужин без сыра, свежего дэнлопского сыра?»

От мысли о нем длинная верхняя губа старухи задрожала, и струйка слюны потекла из угла рта.

Размышляя так, она метала из-под насупленных бровей беглые обвиняющие взгляды на свою внучку Мэри, сидевшую против нее в кресле, в котором обычно сидел отец и которое поэтому было священным и запретным для всех остальных.

Но Мэри не думала ни о сыре, ни о кресле, ни о преступлениях, которые она совершила, забыв о первом и усевшись во второе. Ее кроткие карие глаза были устремлены в окно, сосредоточенно глядели вдаль, словно видели там нечто, чаровавшее ее сияющий взор.

По временам ее выразительные губы складывались в улыбку, затем она тихонько бессознательно качала головой, потряхивая локонами, и при этом по ее волосам, как рябь по воде, скользили блики света. Ее маленькие ручки, гладкие и нежные, как лепестки магнолии, лежали на коленях ладонями вверх, своей пассивностью свидетельствуя о том, что Мэри вся поглощена размышлениями. Она сидела прямо, как стебель тростника, прекрасная задумчивой и безмятежной красотой глубокого, спокойного озера, где качаются тростники.

В ней была вся нетронутая свежесть юности, но вместе с тем, несмотря на ее семнадцать лет, бледное лицо и стройная, еще не сформировавшаяся фигура дышали спокойной уверенностью и силой.

Все возраставшее негодование старухи наконец проявлялось. Чувство собственного достоинства не позволяло ей прямо приступить к вопросу о сыре, и вместо этого

она сказала с подавленной и оттого еще более сильной злобой:

— Мэри, ты сидишь в кресле отца!

Ответа не было.

— Ты села на место отца! Слышишь, что тебе говорят! Все еще никакого ответа.

Тогда старая карга закричала, вся дрожа от сдерживаемой ярости:

— Ах ты, разгильдяйка, ты что же — не только глупа, но вдобавок еще глуха и нема? Почему ты сегодня забыла купить то, что тебе наказывали? На этой неделе не было дня, чтобы ты не выкинула какой-нибудь глупости. Или ты очумела от жары?

Как внезапно разбуженная ото сна, Мэри подняла глаза, очнувшись от задумчивости и улыбнулась, словно солнцем осветив тихое и грустное озеро своей красоты.

— Вы что-то сказали, бабушка?

— Нет! — хрипло прокричала старуха. — Я ничего не сказала, я просто открыла рот, чтобы ловить мух. Это замечательное занятие для тех, кому делать нечего. Верно, ты этим и занималась сегодня, когда ходила в город за покупками. Меньше бы зевала, так лучше запомнила бы, что надо!

В эту минуту из посудной вошла с большим металлическим чайником в руках Маргарет Броуди. Вошла торопливо, мелкими и быстрыми шажками, наклонившись вперед и волоча ноги. Такова была ее обычная походка, — казалось, она всегда куда-то спешит и боится опоздать. Она сменила халат, в котором обычно стряпала и убирала, на юбку и черную шелковую блузку, но юбка была в пятнах, у пояса болталась какая-то неаккуратно завязанная тесемка, а волосы были растрепаны и висели прядями вдоль щек. Голова Маргарет была постоянно наклонена набок. Когда-то это делалось для того, чтобы выразить покорность и истинно христианское смирение в дни испытаний и бедствий, но время и вечная необходимость изображать самоотречение сделали этот наклон головы привычным. Ее нос, казалось, тоже отклонился от вертикального на-

правления — быть может, из сочувствия, но вероятнее всего — вследствие нервного тика, который развился у нее в последние годы и создал привычку проводить по носу справа налево тыльной стороной руки.

Лицо у Маргарет было истомленное, усталое, и в выражении его было что-то трогательное. Она имела вид человека, падающего от изнеможения, но постоянно подстегивающего в себе последнюю энергию. Ей минуло сорок два года, но она казалась на десять лет старше.

Такова была мать Мэри, и дочь так же мало походила на нее, как молодая лань на старую овцу.

«Мама» (ибо так называли миссис Броуди все в доме), привыкшая в силу необходимости улаживать семейные передраги, с первого взгляда заметила гнев старухи и растерянность дочери.

— Сию же минуту встань, Мэри! — воскликнула она. — Уже почти половина шестого, а чай еще не заварен! Ступай позови сестру. А вы, бабушка, все ли поджарили? Ах, боже мой, да у вас один кусок подгорел! Давайте его сюда, придется мне его съесть. В этом доме ничего не должно пропадать даром!

Она взяла подгоревший ломтик и демонстративно положила его к себе на тарелку, затем принялась без всякой надобности переставлять посуду на накрытом к чаю столе, как бы показывая, что все сделано не так, как надо, и придет в порядок только тогда, когда грех небрежной сервировки будет заглажен ее безропотными, самоотверженными усилиями.

— Кто ж так накрывает на стол! — пробормотала она пренебрежительно, когда дочь встала и вышла в переднюю.

— Несси! Несси! — позвала Мэри. — Чай пить! Чай пить!

Из комнаты наверху ей ответил звонкий голос, певуче растягивая слова:

— Иду-у! Подожди меня!

Через минуту обе сестры вместе вошли в кухню. Не говоря уже о разнице в возрасте (Несси было только двена-

дцать лет), они резко отличались друг от друга и наружностью и характером, и контраст между ними сразу бросался в глаза.

Несси была прямая противоположность Мэри. Волосы у нее были светлые, как лен, почти бесцветные и заплетены в две аккуратные косички; она унаследовала от матери ее кроткие глаза с поволокой, нежно-голубые, как цветы вероники, испещренные едва заметными белыми крапинками, — глаза с тем неизменно ласковым и умильным выражением, которое заставляло думать, что она постоянно стремится всех задобрить. Лицо у нее было узкое, с высоким белым лбом, розовыми, как у восковой куклы, щеками, острым подбородком и маленьким ртом, всегда полуоткрытым благодаря несколько отвисающей нижней губе; все это, так же как и мягкая, неопределенная улыбка, с которой она в эту минуту вошла в кухню, свидетельствовало о природной слабости этого еще не сложившегося характера.

— А не рановато ли у нас сегодня чай, мама? — заметила она лениво, подойдя к матери на обычный осмотр.

Миссис Броуди, занятая последними приготовлениями, отмахнулась от нее.

— Руки вымыла? — спросила она в свою очередь, не глядя на Несси. Затем, не ожидая ответа, посмотрела на часы и скомандовала: — Садитесь все!

Четыре женщины уселись за стол, — первой, как всегда, старая бабка. Они сидели в ожидании, и рука миссис Броуди беспокойно повисла наготове над стеганой крышкой чайника. Но вот в это выжидательное молчание ворвался низкий и густой звон старых дедовых часов в передней, пробивших один раз, и в то же мгновение шелкнул замок входной двери, затем ее с силой захлопнули. Стукнула поставленная на место трость; по коридору мерно прозвучали тяжелые шаги; дверь в кухню отворилась, и вошел Джеймс Броуди. Он направился к ожидавшему его стулу, сел, протянул руку за своей собственной большой чашкой, наполненной до краев горячим чаем; потом ему подали прямо с плиты полную тарелку ветчины с яйцами,

булку, специально для него нарезанную и намазанную маслом, и он, как только сел, принялся за еду. Строгая пунктуальность, с какой вся семья собиралась к вечернему чаю, и их напряженное ожидание тем и объяснялись, что ритуал немедленного обслуживания главы дома во время трапез, как и во всех других случаях, был одним из неписаных законов, царивших в этом доме.

Броуди ел жадно и с явным удовольствием. Это был человек громадного роста, выше шести футов, с плечами и шеей, как у быка. Голова у него была массивная, глаза — небольшие, серые, глубоко ушедшие под лоб, а челюсти такие крепкие и мускулистые, что, когда он жевал, под гладкими загорелыми щеками ритмически вздувались и опали большие твердые желваки. Лицо его, широкое и здоровое, было бы красиво, если бы не слишком низкий лоб и узкий разрез глаз. Густые темные усы отчасти прикрывали рот, но нижняя губа выступала из-под них с угрюмым и дерзким высокомерием.

Тыльная сторона его больших рук и даже толстые лопатообразные пальцы поросли густыми темными волосами. Нож и вилка, зажатые в этой громадной лапе, казались по сравнению с ней просто игрушечными и до смешного неуместными.

После того как глава семейства приступил к еде, разрешалось начать и остальным, но их меню состояло, разумеется, из одного только чая с гренками; сигнал подала бабушка, жадно завладев своими мягкими ломтиками. Иногда, если ее сын бывал в особенно благодушном настроении, он милостиво уделял ей со своей тарелки лакомые кусочки, но сегодня она по его манере держать себя видела, что этого редкого угощения ей не дожидаться, и безропотно удовлетворилась тем скромным наслаждением, какое могла доставить ей имевшаяся в ее распоряжении пища. Остальные члены семьи ели каждый на свой лад: Несси — с большим аппетитом, Мэри — рассеянно, а миссис Броуди, втихомолку закусившая какой-нибудь час тому назад, ковыряла подгорелый кусок на своей тарелке с видом существа, слишком хрупкого и слишком обремененного заботами о других, чтобы находить удовольствие в еде.

Стояла полная тишина, нарушаемая лишь чавканьем отца, когда он обсасывал усы, лязгом вставных зубов бабушки, старавшейся извлечь максимальное наслаждение и пользу из процесса насыщения, да время от времени шмыганьем неугомонного носа мамы. На лицах участников этого странного семейного чаепития не заметно было ни удивления, ни сожаления по поводу отсутствия общего разговора за столом: они жевали, пили, глотали, не произнося ни слова, а над всем царил грозный глаз Джемса Броуди. Когда хозяину угодно было молчать, никто не смел произнести ни слова, сегодня же он был в особенно сердитом настроении и, хмурясь, в промежутках между глотками бросал мрачные взгляды на свою мать, которая в порыве жадности не замечала его недовольства и макала корочки в чай.

Наконец он сказал, обращаясь к ней:

— Ведь ты же не свинья, чтобы *так* есть, старая!

Она испуганно уставилась на него, моргая глазами.

— А? Что такое, Джемс? Как я ем?

— Да совсем так, как свинья, которая непременно вываляет или размажет свою еду по всему корыту. Неужто у тебя не хватает ума понять, что ты ешь, как жадная свинья? Влезет ногами в корыто — и счастлива и довольна. Что ж, продолжай! Веди себя как животное, если уж ты до того опустилась! Неужели в твоём высохшем мозгу не осталось ни гордости, ни чувства приличия?

— Я забыла... Я совсем забыла... Я больше не буду. Да, да, я буду помнить! — И от волнения она нечаянно громко рыгнула.

— То-то! — фыркнул Броуди. — Впредь веди себя прилично, старое чучело! — Лицо его потемнело от гнева. — Безобразие, что такому человеку, как я, приходится терпеть это в своём собственном доме. — Он ударил себя в грудь огромным кулаком, и грудь загудела, как барабан. — Такому, как я! — прокричал он. — Как я! — И вдруг замолк, обвел всех взглядом из-под насупленных кустистых бровей и снова принялся за еду.

Слова, сказанные им, были гневны, — но раз он заговорил, то, согласно принятому в этом доме неписаному

своду законов, можно было разговаривать и другим, запрет был снят.

— Передай мне папину чашку, Несси, я налью ему еще чаю, — начала миссис Броуди примирительным тоном.

— Сейчас, мама.

— Мэри, милочка, сиди прямо и не беспокой отца. Я уверена, что у него сегодня был трудный день.

— Хорошо, мама, — ответила Мэри, которая и без того сидела прямо и никого не беспокоила.

— Передай же отцу варенье.

Умиловление разгневанного льва было начато, и нужно было его продолжать: выждав минуту, мама начала снова, на этот раз с испытанного и надежного хода.

— Ну, как сегодня твои успехи в школе, Несси?

Несси испуганно встрепенулась.

— Хороши, мама.

Рука Джемса, подносившая к губам чашку, задержалась в воздухе.

— Хороши? Ты, конечно, по-прежнему первая в классе?

Несси потупила глаза:

— Сегодня нет, папа. Сегодня я только на втором месте.

— Что такое?! Ты позволила себя обогнать? Но кто же это? Кто первый?

— Джон Грирсон.

— Грирсон! Отродье этого сплетника-хлеботорговца! Этого гнусного нищего! Теперь он не один день будет повсюду хвастать! Да что это с тобой приключилось, скажи ради бога? Или ты не понимаешь, как важно для тебя получить образование?

Девочка разрыдалась.

— Она почти полтора месяца была первой, папа, — храбро вступилась за сестру Мэри. — И потом, другие постарше ее.

Броуди смерил ее уничтожающим взглядом.

— А ты держи язык за зубами, пока к тебе не обращаются! — загремел он. — С тобой разговор впереди, моя

милая, — вот тогда у тебя будет возможность пустить в ход свой длинный язык!

— Все этот французский, — всхлипывала Несси. — Никак у меня не держится в голове спряжения... И по арифметике, и по истории, и по географии у меня хорошие отметки, а с французским ничего не выходит. Я чувствую, что никогда его не одолею.

— Не одолеешь! А я тебе говорю, что одолеешь, — ты у меня будешь образованной, дочь моя! Ты хоть и мала еще, да все говорят, что голова у тебя с мозгами (это ты от меня их унаследовала, потому что мать твоя всегда была дура), и я позабочусь о том, чтобы ты их употребила с пользой. Сегодня вечером ты сделаешь два упражнения вместо одного.

— Да, да, папа, я сделаю все, что ты велишь, — вздохнула Несси, судорожно пытаясь подавить рыдания.

— Вот и отлично. — Жесткие черты Джемса Броуди на миг неожиданно осветились чувством, в котором была и доля нежности, но гораздо больше необъятного тщеславия. Оно промелькнуло, как внезапный дрожащий луч света на мрачной скале.

— Мы покажем всему Ливенфорду, чего может добиться моя умница-дочка. Я об этом позабочусь. Когда мы добьемся того, что ты будешь первой ученицей, ты узнаешь, что твой отец хочет сделать из тебя. Но ты должна учиться серьезно, учиться изо всех сил.

Он теперь смотрел уже не на Несси, а в пространство, словно созерцая будущее, и пробормотал еще раз: «Мы им покажем!» Затем опустил глаза, погладил склоненную золотистую головку Несси и добавил:

— Ты *моя* дочка, и ты с честью будешь носить фамилию Броуди.

Потом, когда он повернул голову, взгляд его упал на другую дочь и сразу же омрачился, и выражение лица изменилось.

— Мэри!

— Да, папа.

— Ну, теперь поговорим с тобой. Ты ведь за словом в карман не полезешь.

Развалиясь на стуле, он заговорил, не повышая голоса, с саркастической усмешкой, взвешивая каждое слово с холодным спокойствием судьи.

— Приятно бывает иной раз услышать от посторонних о том, что делается в твоей собственной семье. Конечно, не слишком-то почетно для главы семейства, что узнавать приходится окольным путем, но это, в сущности, пустяки. И очень лестно было мне услышать о моей дочери новость, от которой у меня нутро перевернулось... — Он говорил все более и более холодным тоном. — Сегодня из разговора с одним из членов городского управления я узнал, что тебя видели на Черч-стрит болтающей с молодым человеком, да, с молодым человеком весьма приятной наружности... — Он оскалил зубы и продолжал едко: — Которого я считаю подозрительным субъектом, негодяем и бездельником!

Тут робко вмешалась миссис Броуди, воскликнув чуть не со слезами в голосе:

— Нет, нет, Мэри, это, конечно, была не ты, — порядочная девушка не станет так вести себя. Скажи же отцу, что это была не ты!

Но Несси, радуясь, что общее внимание отвлечено от нее, необдуманно воскликнула:

— Это был, верно, Денис Фойль, да, Мэри?

Мэри сидела неподвижно, не отводя глаз от тарелки, побледнев до самых губ. Она проглотила клубок, подкатившийся к горлу, и, повинувшись бессознательному порыву, сказала тихо, но твердо:

— Он не бездельник и не негодяй.

— Что такое?! — прорычал Броуди. — Ты смеешь возражать отцу и вступаться за какого-то бродягу-ирландца! Пускай эти Пэдди¹ приходят сюда с их болот копать для нас картошку, но дальше мы их не пустим. Обнаглеть мы им не дадим. Пусть у старого Фойля самый известный трактир во всем Дэрроке, это еще не делает его сына джентльменом!

¹ Кличка ирландцев в Англии (уменьшительное от распространенного имени Патрик).

Мэри чувствовала, что ее всю трясет. Губы у нее пересохла, язык одеревенел. Никогда еще до сих пор она не осмеливалась спорить с отцом, но теперь что-то заставило ее сказать:

— У Дениса есть профессия, папа. Она ничего общего не имеет с торговлей спиртными напитками. Он служит у «Файндли и К^о» в Глазго. Это крупная фирма, которая импортирует чай и ничего общего не имеет с... другими напитками.

— Вот как! — сказал Броуди насмешливо-поощрительным тоном. — Это важная новость! Ну, ну, что ты еще можешь сказать в доказательство благородства этого господина? Он в настоящее время не торгует виски. Он торгует чаем. Какое благочестивое занятие для сына кабатчика! Ну а дальше что?

Мэри понимала, что он издевается над нею, но у нее хватило выдержки продолжать тоном кроткого убеждения:

— Он не рядовой конторский служащий, папа. Он на очень хорошем счету и часто разъезжает по делам фирмы. И... и рассчитывает выдвинуться, может быть, он даже станет через некоторое время компаньоном в деле.

— Да неужели?! — усмехнулся Броуди. — Так вот каким вздором он набивал твою глупую голову! «Не рядовой служащий!» Самый обыкновенный коммивояжер — вот и все. А не говорил ли он тебе, что будет когда-нибудь лорд-мэром Лондона, а? Это так же правдоподобно, как все остальное. Щенок!

Слезы текли по щекам Мэри, но, не обращая внимания на протестующий вопль матери, она снова возразила:

— Он на очень хорошем счету, папа, уверяю тебя. Мистер Файндли принимает в нем участие. Я знаю.

— Ба! Уж не думаешь ли ты, что я поверю в его рассказы? Все это вранье, сплошное вранье! — снова заорал он на нее. — Этот малый принадлежит к подонкам общества. Чего можно ожидать от людей такого сорта? Одной нравственной испорченности! Ты осрамила меня уже тем, что говорила с ним. Но этот разговор был последним. — Не отводя от дочери властного взгляда, он повторил сви-

репо: — Никогда ты не будешь больше с ним разговаривать, слышишь? Я запрещаю тебе это!

— Ах, папа... — заплакала Мэри. — Ах, папа, я... я...

— Мэри, Мэри, не смей перечить отцу! Мне даже слушать страшно, как ты позволяешь себе говорить с ним! — раздался голос мамы с другого конца стола. Она пыталась таким образом умиловить мужа, но на этот раз ее вмешательство было тактической ошибкой и только сразу же направило гнев Броуди на ее собственную покорно склоненную голову. Сверкнув глазами, он обрушился на нее:

— А ты чего суешься? Кто здесь говорит — ты или я? Если имеешь что сказать, так пожалуйста! Мы все замолчим и выслушаем твою мудрую речь. А не имеешь, так держи язык за зубами и не мешай. Ты виновата не меньше, чем она. Это твоё дело — следить, с кем она водит знакомство.

Он сердито фыркнул и, по своему обыкновению, выдержал эффектную паузу. Наступила гнетущая тишина, но вдруг старая бабушка, которая то ли не следила за разговором, то ли не уловила характера наступившего молчания и поняла только одно — что Мэри в немилости, не выдержала наплыва чувств и нарушила молчание, прокричав шипящим от злобы голосом:

— Она сегодня забыла сделать то, что ей поручили, Джемс! Она забыла купить для меня сыр, эта разгильдяйка!

И, излив таким образом свое бессмысленное раздражение, сразу осела и затихла, бормоча что-то себе под нос. Голова у нее тряслась, как у паралитика.

Сын не обратил ровно никакого внимания на это выступление и, глядя на Мэри, медленно повторил:

— Я сказал. И да помилует тебя Бог, если ты посмеешь послушаться! Да, вот еще что: сегодня вечером открытие ярмарки в Ливенфорде, — я по дороге домой видел уже все эти вонючие балаганы. Так запомните: никто из моих детей не подойдет ближе чем на сто ярдов к территории ярмарки. Пусть туда бежит хоть весь город, пускай приезжает деревенщина, пускай идут всякие Фойли и их приятели, но никто из членов семьи Джемса Броуди не унижится до этого. Я это запрещаю.

Произнеся последние слова, в которых звучала угроза, он отодвинул стул, тяжело поднял свое громадное тело и с минуту стоял, выпрямившись, возвышаясь над группой слабых людей, окружавших его. Наконец отошел к своему креслу в углу, сел, привычным, механическим жестом нащупал подставку для трубок, выбрал трубку не глядя, на ощупь и, достав из глубокого бокового кармана квадратный кожаный кисет с табаком, открыл его и не спеша набил хорошо обкуренную головку. Затем из кучки за подставкой взял бумажную трубочку, с трудом нагнувшись вперед, зажег ее от огня в камине и поднес к трубке. Прodelывая все это, он ни на мгновение не отвел грозного взгляда от безмолвной группы людей за столом. Все так же не спеша закурил, выпятив мокрую нижнюю губу и не переставая наблюдать за всеми, но уже более спокойно, созерцательно, с видом критическим и высокомерным. Несмотря на то что им пора бы привыкнуть к тирании этого холодного наблюдения, оно их всегда подавляло, и теперь они, разговаривая, невольно понижали голос. У мамы лицо все еще пылало. У Мэри дрожали губы. Несси вертела в руках чайную ложку и, уронив ее, смущенно покраснела, словно уличенная в каком-нибудь дурном поступке. Только старуха оставалась безучастной, погруженная в блаженное ощущение сытости.

Но вот шаги в передней возвестили чей-то приход, и в кухню вошел молодой человек лет двадцати четырех, стройный, бледный, с плачевной склонностью к прыщам, с неуверенным, бегающим взглядом. Одет он был настолько франтовато, насколько это позволяло состояние его кошелька и страх перед отцом. Особенно обращали на себя внимание его руки, большие, мягкие, мертвенно-белые, с ногтями, обрезанными так коротко, что на концах пальцев оставались круглые гладкие валики. Он как-то бочком уселся за стол, словно не замечая никого из присутствующих, молча взял из рук матери поданную ему чашку чая и принялся за еду. Это был Мэтью, последний член семьи, единственный сын, а значит, и наследник Джемса Броуди. Ему разрешалось опаздывать к вечернему чаю, так как он

служил на судовой верфи Лэтта и кончал работу в шесть часов.

— Как чай, не остыл? — заботливо осведомилась мать, все еще вполголоса.

Мэтью решил ответить только молчаливым кивком.

— Положи себе яблочного повидла, дорогой, оно очень вкусное, — тихонько упрасивала миссис Броуди. — У тебя немного усталый вид. Что, сегодня много было работы в конторе?

Он неопределенно кивнул головой. Его белые, бескровные руки непрерывно двигались, то нарезая хлеб мелкими аккуратными ломтиками, то помешивая чай, то барабанила пальцами по скатерти. Они ни минуты не оставались в покое, двигаясь среди стоявших на столе предметов, как руки священнослужителя, поспешно совершающего какой-то религиозный ритуал. Опущенные глаза, торопливая еда, робкие, беспокойные движения рук — все свидетельствовало о том, как действует на его слабые нервы угрюмый взгляд отца, устремленный ему в спину.

— Еще чаю, сынок? — предложила шепотом мать, протянув руку за его чашкой. — Попробуй печенье, оно только сегодня испечено. — Затем, осененная внезапной догадкой, прибавила вдруг: — Может быть, у тебя сегодня опять желудок не в порядке?

— Да нет, ничего, — пробормотал он в ответ, не поднимая глаз.

— Смотри, медленнее ешь, Мэт, — конфиденциальным тоном предостерегала его мать. — Я склонна думать, что ты иногда недостаточно прожевываешь пищу. Не спеши!

— Но мне ведь сегодня еще надо побывать у Агнес, мама, — шепнул он укоризненно, словно объясняя свою торопливость.

Миссис Броуди понимающе и сочувственно кивнула головой.

Через некоторое время старая бабушка, жуя губами, поднялась, стряхнула крошки с платья и пересела на свое место у огня, выжидая, не пожелает ли сын сегодня поболтать с нею. Когда он бывал в хорошем настроении, он раз-

влекал ее самыми отборными городскими сплетнями, крича ей в ухо, рассказывал о том, как ловко он осадил Уэдделя, как мэр Гордон, встретив его на площади, дружески похлопал его по плечу, или о том, что дела Пакстона идут все хуже и хуже. Ни о ком никогда не говорилось доброго слова, но старуха обожала сплетни, позорившие людей, смаковала язвительную клевету и безмерно наслаждалась такими разговорами, с жадным интересом подхватывая каждое словечко о чужих делах, упиваясь им, гордясь превосходством сына над очередной жертвой, служившей предметом разговора.

Однако сегодня Броуди молчал, занятый своими мыслями, которые теперь приняли более мирный характер под влиянием удовольствия, доставляемого трубкой. Он говорил себе, что надо будет укротить Мэри, что она словно не его дочь: никогда она не подчинялась ему так беспрекословно, как он того хотел, никогда не оказывала такого полного почтения, как все остальные члены семьи. А ведь эта непокорная дочь становится красивой девушкой, — наружностью она в него. Но и ради собственного удовлетворения и для ее же пользы надо сломить в ней дух независимости. Он был доволен, что слух о ее знакомстве с Денисом Фойлем дошел до него, так что он сможет пресечь это знакомство в самом начале.

Он был поражен смелостью, с какой Мэри решилась возражать ему, и не мог понять, чем это объясняется. Да, теперь, после того как он заметил в ней склонность к непослушанию, он будет внимательнее следить за ней и окончательно искоренит эту склонность, если она еще раз проявится.

Потом взгляд его остановился на жене, но только на одно мгновение; ее он ценил лишь постольку, поскольку она заменяла прислугу в доме, и сразу же отвел взгляд, недовольно скривив губы в презрительную гримасу и топропясь перейти к более приятным мыслям.

Да, вот еще Мэтью, сын! Неплохой малый. Немного себе на уме, да и характером слаб и изнежен — вконец избалован матерью. За ним нужен глаз. Впрочем, надо наде-

яться, что пребывание в Индии сделает из него человека. Через какие-нибудь две-три недели он будет отправлен на ту прекрасную службу, которую предоставил ему сэръ Джон Лэтта. Ого, как в городе зашумят об этом!.. Лицо Броуди просветлело при мысли, что в назначении Мэта все увидят знак особого расположения сэра Джона к нему, Джемсу Броуди, новое доказательство его видного положения в городе. Таким образом, назначение в Индию принесет пользу Мэтью и вместе с тем еще усилит всеобщее уважение к его отцу.

Затем глаза Броуди обратились на мать, и на этот раз уже с менее жестким выражением, снисходительнее и мягче, чем давеча за столом. Старуха любит поесть. Видя ее насквозь, он знал, что даже сейчас, когда она сидит и клюет носом у огня, она уже мысленно предвкушает следующую трапезу — ужин из горохового пюре с пахтаньем. Она любила гороховое пюре и всегда твердила тоном, каким повторяют мудрое изречение: «Нет ничего лучше горохового пюре на ночь! После него спишь, как после горячей припарки на живот». У нее один бог — ее желудок. Но она еще молодчина, ей сносу нет, старой ведьме! Чем она старше, тем крепче. Видно, из прочного материала сделана, что так долго держится, и похоже, что проживет еще добрых десять лет. Если он, ее сын, проживет до таких лет, а может быть, и дольше, будет очень хорошо.

Наконец он взглянул на Несси, и в нем сразу затеплилось слабое, едва уловимое чувство нежности; выражение его лица не изменилось, но взгляд стал ласковее, внимательнее. Да! Пускай себе мать носится со своим Мэтом, можно ей уступить и Мэри в придачу, зато уж Несси — его дочка, его сокровище, из Несси он кое-что сделает! Несмотря на ее юность, в ней уже видны ум и способности, и вчера только директор школы говорил ему, что она когда-нибудь станет настоящей ученой, если будет усердно работать. Да, только так и можно этого добиться — надо с детства направлять ее по намеченному пути. У него есть кое-какие планы насчет будущего Несси. Стипендия Лэтта! Вот будет венец всех ее блестящих успехов в школе.

У Несси есть способности, ее нужно только правильно воспитать. Боже, какой это будет триумф! Девушка — стипендиатка Лэтта, первая девушка, получившая стипендию Лэтта, и к тому же из семьи Броуди! Он позаботится, чтобы Несси добилась этого. Пускай ее мать лучше уберет прочь от дочери свои слабые, балующие руки! Он сам возьмется за ее воспитание.

Он еще не вполне ясно себе представлял, что хочет сделать из Несси. Но образование есть образование! Потом она сможет получать в университете различные ученые степени и одерживать победы. Все в городе знают, что Джемс Броуди — человек передовой, широких и либеральных взглядов, и он это еще сильнее подчеркнет, вдолбит это навсегда в глупые головы. Он уже воображал, как люди толкуют между собой: «Слыхали последнюю новость? Способная дочка Броуди поступила в колледж. Ну да, она получила стипендию Лэтта, лучше всех выдержала экзамены, и отец отпустил ее в университет. Вот это передовой человек! И такой дочерью он вправе гордиться».

Да, он утрет нос всем в городе! Броуди выпятил грудь, ноздри его раздулись, глаза были устремлены куда-то вдаль. Он дал волю фантазии. Он не замечал, что трубка потухла и остыла. Он твердил про себя, что добьется всеобщего признания, что все будут смотреть на него снизу вверх, что он когда-нибудь заставит оценить себя должным образом. Мысль о Несси постепенно испарялась, он уже больше не думал о ее будущем, и центральной фигурой в его мечтаниях был уже теперь он сам. Он заранее упивался славой, которой дочь озарит его имя!

Наконец он зашевелился, выколотил трубку, вложил ее обратно в подставку и, в последний раз молча обведя взглядом всю семью, как бы говоря: «Я ухожу, но помните то, что я сказал, от моего глаза не укроетесь!» — вышел в переднюю, надел свою хорошо вычищенную войлочную шляпу, взял тяжелую ясеневую трость и, ни слова не сказав, ушел из дому. Такова была его обычная манера. Он никогда не прощался уходя. Пускай себе строят догадки, куда он ходит в свободные часы — на собрания, в город-

ской магистрат или в клуб. Пускай остаются в неизвестности насчет того, когда и в каком настроении он вернется. Ему доставляло удовольствие, когда все вскакивали при неожиданном звуке его шагов в передней. Только таким образом и возможно держать их в узде, и им будет весьма полезно поломать головы над вопросом, куда он идет. Так подумал Броуди, когда входная дверь с треском захлопнулась за ним.

После его ухода все вздохнули с облегчением, словно рассеялась какая-то нависшая над ними туча. Миссис Броуди ослабила мускулы, которые бессознательно напрягала весь последний час, плечи ее сразу опустились, исчезло и душевное напряжение, и она немного оживилась.

— Ты уберешь со стола, да, Мэри? — сказала она просительно. — Я что-то сегодня устала и расклеилась. Мне не мешает посидеть часок за книгой.

— Хорошо, мама, — ответила Мэри и, как всегда, послушно добавила, зная, что от нее этого ожидают: — Ты заслужила отдых, я сама вымою посуду.

Миссис Броуди покачала склоненной набок головой, как бы протестуя против упоминания о ее заслугах, но вместе с тем соглашаясь с Мэри, встала и, подойдя к комоду, достала из своего собственного потайного уголка в одном из ящичков книгу, роман некоей писательницы Эмили Эдвардс «Клятва Девенхэма». Как и все книги, которые читала миссис Броуди, он был принесен ей из ливенфордской городской библиотеки. Нежно прижимая книгу к груди, она усеялась у очага, и скоро Маргарет Броуди всей своей трагически сломленной душой ушла в переживания героини, предалась одному из тех утешений, которые еще оставила ей судьба.

Мэри быстро убрала со стола и застлала его суконной скатертью, потом, уйдя в посудную, засучила рукава, обнажив тонкие руки, и принялась мыть грязные тарелки.

Несси, оставшись одна за опустевшим столом, который молчаливо напоминал ей о приказе отца заниматься, посмотрела сначала на погруженную в чтение мать, затем на спину бабки, не обращавшей на нее никакого внимания,

на Мэта, который теперь развалился на стуле и важно ковырял в зубах. Потом со вздохом усталости начала вытаскивать учебники из своей школьной сумки, неохотно кладя их один за другим на стол.

— Мэри, поди сюда, — позвала она, — сыграем сначала в шашки.

— Нет, дорогая, отец велел тебе заняться французскими упражнениями. Может быть, мы потом успеем сыграть партию, — донесся ответ из посудной.

— Хочешь, я перетру тарелки? — схитрила Несси, пытаясь оттянуть начало своих мучений.

— Нет, не надо, я управлюсь сама, дружок, — возразила Мэри.

Несси снова горестно вздохнула и сказала, словно про себя, совершенно таким же тоном, как мать:

— О господи!

Она подумала о других детях, которые, как она знала, соберутся вместе и будут весело играть в скакалки, в мяч, в чижи, в городки, в другие увлекательные игры, и с тяжелым сердцем принялась за работу.

Мэтью, выведенный из мимолетной задумчивости раздавшимся над самым его ухом монотонным бормотанием «*je suis, tu es, il est*», спрятал зубочистку обратно в карман жилета и встал из-за стола. После ухода отца его манера держать себя резко изменилась; с миной некоторого превосходства над окружающими он поправил манжеты, многозначительно посмотрел на часы и, шагая вразвалку, вышел.

В кухне наступила тишина, нарушаемая время от времени лишь шелестом перевертываемых страниц, слабым звяканьем посуды в соседней комнате да нудным бормотанием «*pous sommes, vous êtes, ils sont*».

Но через несколько минут звуки, доносившиеся из посудной, затихли, и вслед за тем Мэри бесшумно проскользнула через кухню в переднюю, поднялась по лестнице и постучала в дверь комнаты Мэтью. Это был привычный ежевечерний визит, и если бы даже Мэри вдруг лишилась всех чувств, кроме обоняния, она могла бы найти эту

комнату по исходившему из нее густому, приторному запаху сигарного дыма.

— Можно, Мэт? — спросила она шепотом.

— Войдите, — отозвался из комнаты делано бесстрастный голос.

Мэри вошла. При ее входе брат, только что ответивший ей, и не взглянул на нее. Он сидел без пиджака на кровати, сохраняя такое положение, которое лучше всего позволяло ему видеть себя в повернутом под надлежащим углом зеркале на комод, и продолжал безмятежно любоваться собой, пуская большие клубы дыма прямо в свое изображение.

— Какой приятный запах у твоей сигары, Мэт, — заметила Мэри с искренним восхищением.

Мэт с шиком вынул изо рта сигару, не переставая удовлетворенно рассматривать себя в зеркале.

— Да, — согласился он, — по цене и запах! Это — «Сюпрем», высший сорт. Пять штук стоят шесть пенсов, но за одну я заплатил полтора пенса. Я взял ее на пробу и, если этот сорт мне понравится, куплю еще. Запах хорош, Мэри; мы, курильщики, ценим больше всего букет. Сигара высшего сорта обязательно должна иметь букет. Эта имеет ореховый букет. — Он неохотно отвел глаза от зеркала и, внимательно осмотрев свою сигару, произнес: — Ну, теперь хватит, пожалуй.

— Ничего, ничего, покури еще, — поощрила его Мэри. — Мне нравится запах сигары. Это совсем не то что трубка.

— Нет, мне нужно оставить вторую половину на вечер, — решительно возразил Мэтью, осторожно потушил горящий кончик сигары о холодный фаянс умывальника и спрятал окурки в карман жилета.

— Так Агги Мойр нравится, когда ты куришь? — сказала Мэри, делая вывод из его поведения.

— Не Агги, а Агнес, — оборвал он ее, страдальчески морщась. — Сколько раз я просил тебя не фамильярничать. Это вульгарно. Это... это просто дерзость с твоей стороны!

Мэри потупила глаза:

— Извини, Мэт.

— То-то! Запомни, Мэри, что мисс Мойр — весьма достойная молодая девица и моя невеста. Да, если уж хочешь знать, мисс Мойр нравится, когда я курю. Сначала она была против этого, а теперь находит в курении что-то мужественное и романтическое. Она возражает только против того, что от меня потом пахнет табаком, и поэтому дает мне жевать ароматные пастилки. Она предпочитает сорт «Сладкие губки» — они очень приятны на вкус.

— Ты очень любишь Агнес, Мэт? — спросила Мэри серьезно.

— Да. И она меня тоже очень любит, — сказал Мэт убежденно. — Но тебе не следует толковать о вещах, в которых ты ничего еще не понимаешь. Впрочем, ты, конечно, могла бы знать, что если люди гуляют вдвоем, значит они любят друг друга. Агнес меня боготворит. Посмотрела бы ты, какие подарки она мне делает! Каждому молодому человеку лестно иметь такую невесту. Она во всех отношениях достойная девушка.

Мэри некоторое время молчала, внимательно глядя на брата, потом вдруг прижала руку к груди и спросила с невольной стремительностью:

— А бывает тебе больно здесь, когда ты думаешь об Агнес... когда она не с тобой?

— Конечно нет, — чопорно возразил Мэт. — И некрасиво даже с твоей стороны спрашивать о таких вещах. Если бы я почувствовал боль, я бы считал, что это от расстройства желудка. Как ты любишь задавать вопросы — и какие вопросы! Пожалуйста, чтобы этого больше не было! Теперь я буду упражняться на мандолине, так что не мешай.

Он встал и, нагнувшись (осторожно, чтобы не измять парадных брюк), достал из-под кровати футляр, вынул из него мандолину, украшенную большим бантом из розовой шелковой ленты. Затем раскрыл ноты — тонкую тетрадку в желтой обложке с крупным заголовком «Первые упражнения на мандолине», а под ним шрифтом помельче: «Руководство для юных мандолинистов, составленное тетей Нелли по методу известного синьора Розас». Он раскрыл

тетрадь на второй странице, положил ее на кровать и, усевшись рядом в позе картинной непринужденности, прижал к себе романтический инструмент и заиграл. Но, увы, он не оправдал ожиданий, вызываемых его позой опытного артиста, не разразился какой-нибудь упоительной чарующей серенадой, а пропиликал медленно и с вымученной старательностью два-три такта из «Нелли Блай», все больше и больше спотыкаясь, пока наконец совсем не остановился.

— Начни снова, — ободряюще посоветовала Мэри.

Он ответил сердитым взглядом:

— Я, кажется, просил тебя помолчать, мисс Трещотка! Ты должна помнить, что мандолина — труднейший и сложнейший инструмент, а мне необходимо подучиться раньше, чем я уеду в Индию. Тогда я сумею дорогой на пароходе играть дамам в тропические вечера. Музыка требует упражнений! Ты знаешь, что я делаю блестящие успехи... Впрочем, может быть, желаешь сама попробовать свои силы, раз ты считаешь себя таким знатоком?

Однако он начал сначала, как советовала Мэри, и кое-как доиграл пьесу. Нестройные, фальшивые звуки следовали друг за другом, терзая уши (этому искусству, как и курению, Мэт позволял себе предаваться лишь в отсутствие отца). Тем не менее Мэри, уткнув подбородок в ладони, с восхищением смотрела на брата, не столько слушая его игру, сколько любуясь им.

Окончив, Мэт небрежным, картинным жестом провел рукой по волосам.

— Я, пожалуй, сегодня не в ударе, Мэри... в легкой меланхолии... то есть огорчен, небольшая неприятность в конторе... Проклятые цифры, они вредно действуют на такой артистический темперамент, как мой. Не понимают меня там, на верфи.

Он вздохнул с томной грустью, приличной непризнанному гению, но скоро поднял глаза и, томимый жадной похвалы, спросил:

— А как все-таки у меня звучало? Как тебе показалось?

— Очень похоже, — сказала Мэри успокаивающим тоном.

— Похоже на что? — переспросил он подозрительно.

— Ну конечно на «Веселый галоп Кэти».

— Ах ты, дура! — вскипел Мэт. — Ведь это «Нелли Блай».

Он был совсем обескуражен; метнув на Мэри уничтожающий взгляд, вскочил с кровати и в припадке раздражения крикнул, наклонясь, чтобы уложить мандолину в футляр:

— Я уверен, что ты сказала это просто мне назло. — И затем, выпрямляясь, добавил презрительно: — У тебя совсем нет музыкального слуха.

Он словно не слышал усердных извинений Мэри и, повернувшись к ней спиной, достал из комода очень жесткий высокий крахмальный воротничок и ярко-синий, в крапинках, галстук. Но все еще переживая свою обиду, продолжал:

— А вот у мисс Мойр слух есть! И она говорит, что я очень музыкален, что у меня лучший голос в хоре. Она и сама чудесно поет. Я бы желал, чтобы ты была более достойна стать ее золовкой.

Мэри, ужасно огорченная своим промахом, в полном сознании собственного ничтожества попросила:

— Дай я завяжу тебе галстук, Мэт.

Он повернулся к ней, все еще надутый, и снисходительно позволил ей завязать на нем галстук. Это было неизменной обязанностью Мэри, и она выполнила ее ловко и аккуратно, так что, подойдя снова к зеркалу, Мэт остался доволен.

— Теперь брильянтин! — скомандовал он, показывая этим, что Мэри прощена.

Она подала ему флакон, из которого он обильно полил голову пахучей жидкостью, и, с сосредоточенной миной расчесав свои кудри, взбил их надо лбом.

— Волосы у меня очень густые, Мэри, — заметил он, старательно проводя гребенкой за ушами. — Я никогда не буду лысым. Этот осел Каупер, когда он прошлый раз

подстригал их, уверял меня, что они уже редеют на макушке. Выдумает же! За такую наглость я перестану у него стричься.

Добившись достаточно эффектной прически, он протянул руки и позволил Мэри помочь ему надеть пиджак, затем достал чистый носовой платок, надушил его одеколоном «Душистый горошек», художественно выпустил кончик платка из верхнего кармана и внимательно проверил эффект в зеркале.

— Элегантный покрой, — бормотал он, глядя в зеркало, — в талии сидит прекрасно. Для провинциального портного Миллер шьет замечательно, не правда ли? Разумеется, я ему даю указания, да и на такую фигуру шить легко!.. Ну уж если *сегодня* Агнес будет мною недовольна... но нет, она, безусловно, будет довольна.

Затем, шагнув к двери, он вдруг отрывисто прибавил:

— И не забудь, Мэри, сегодня в половине одиннадцатого... или, может быть, чуточку позже.

— Ладно, Мэт, я не усну, — шепнула она успокоительно.

— На этот раз наверное?

— Наверное.

Последнее замечание Мэта обнаруживало его ахиллесову пяту: этот достойный восхищения элегантный молодой человек, курильщик, мандолинист, жених, будущий отважный путешественник в Индию, имел одну странную слабость — боялся темноты. Он достаивал Мэри своего общества и доверия исключительно потому, что она выходила к нему навстречу в те вечера, когда он возвращался поздно, и провожала по неосвещенной мрачной лестнице до его спальни, делая это с неизменной аккуратностью и преданностью, никогда не выдавая его. Она ни во что не ценила услуг, которые оказывала брату, принимала смиренно и с благодарностью его милостивое расположение и, когда он, как сейчас, уходил, оставив за собой смешанный запах сигар, брильянтина и душистого горошка и воспоминание о своей ослепительной особе, смотрела ему вслед любящими и восторженными глазами.

Но когда он ушел и исчезло обаяние мишурного блеска, у Мэри настроение изменилось; ничем больше не занятая, она теперь могла подумать о своем, и ею овладело смятение, тоскливое беспокойство. Все в доме были заняты: Несси с мрачным видом готовила уроки, мама всецело погрузилась в свой роман, а сонная бабушка — в процесс пищеварения. И Мэри, расстроенная, возбужденная, слонялась по кухне, раздумывая о приказе отца, до тех пор, пока мать не посмотрела на нее и не сказала сердито:

— Что это с тобой, чего ты снуешь взад и вперед, как нитка без узла? Садись-ка за шитье или, если тебе делать нечего, ступай спать и не мешай людям читать!

«Лечь спать?» — растерянно спрашивала себя Мэри. Нет, просто смешно ложиться в такую рань! Весь день сегодня она не выходила из дому, так не выйти ли подышать свежим воздухом? Это освежит ее после душного дня. Все подумают, что она ушла к себе в комнату, и никто ее не хватится.

Раньше чем она успела подумать, что делает, она была уже в передней, надела свою старенькую жакетку и шляпку из грубой соломы с потрепанным непогодами пучком вишен и вылинявшей красной лентой, тихо отперла входную дверь и сошла по ступенькам во двор.

Она почти испугалась, оказавшись вне дома, но успокоила себя соображением, что в таком виде она все равно никуда идти не может. Вспомнив о том, что у нее нет ни одного хорошего платья, она грустно тряхнула головой, так что вишни, вот уже два сезона уныло свисавшие со шляпы, закачались, слабо протестуя, и чуть не упали на землю. На воздухе она вздохнула свободнее и задумалась о том, что делает сейчас Денис. Ну конечно, готовится идти на ярмарку. И почему это всем можно туда, а ей нельзя? Это несправедливо, потому что ничего тут нет худого. Самые почтенные люди в городе одобряют ярмарку и покровительствуют ей. Облокотясь о калитку и тихонько раскачиваясь взад и вперед, Мэри упивалась прохладой и прелестью сумерек. Вечер был такой чарующий, дышал влажными ароматами, вокруг пробуждалась жизнь, замершая в знойной духоте

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	225
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	477